

Геннадий БОЧАРОВ

И не думаю, что история американца Джима Диксона, о которой и намерен рассказать, принадлежит только Америке. Так же, как не могла бы принадлежать, например, только России — будь ее главным героем русским.

ДЖИМ ДИКСОН уверенно шагнул на палубу яхты и проверил туго натянутый парус.

— И готовился к этому дню семь лет, — сказал он. — Теперь это уже не мечта. Я начинаю.
Был теплый августовский день. Океан, небо и душа пахли в родном для природы и человека согласии. Илла тронулась в путь. Голоса родных и друзей — в который раз они желали ему удачу — смолкли. Последним донесся до него голос Рене — ей все казалось, что они не договорились.
Фрэнсис Стоук, помогавший Джиму вывести яхту в открытое море, пересел в сопровождающий их катер. «Джим, — сказал он, прощаясь, — Бог не оставит тебя в твоём деле».
Дело Джима Диксона было вполне современным: пересечь в одиночку Атлантический океан. То есть сделать то, что до него делали другие. Но воля и мужество — не единственное, что требовалось мореходам. Отличное здоровье — тоже. А Джим Диксон был слепым. Он был первым и единственным на земле человеком, который бросил вызов стихии, и тому, что ему предстояло преодолеть.

И ЖИЛ, как все, по тьме в темноте.

Прежде чем отправиться в это рискованное плавание, Джим прошел под парусами больше двух тысяч миль. Он плавал в морских заливах и озерах. Но чаще всего по Потомаку, потому что вырос в Вашингтоне. Это была его река. Джим никогда не плавал один — его наставляли и сопровождали друзья. Каждому известно, сколько судов и яхт маневрирует в прибрежных водах и реках.
Но теперь он был один. Он был счастлив, взволнован и слегка напуган.

Отец Джима Чарльз и мать Тера, конечно, желали сыну только добра. Но, желая добра, не чинили зла. Яхта — небезопасное дело для слепого. Но Джим был свободен в своем выборе. Мать повторила: «Ты, как все, по тьме не видишь». «Для человека — это не препятствие», — добавлял отец, подавая горюх.

В школьные годы Джим узнал об Альфреде Бисене — американце, который в 1876 году первым пересек Атлантику на парусном корабле. «Это было страшно, — писал Риджвей о своем плавании. — Почти каждый день я плакал, и только это приносило мне облегчение».

После школы Джим работал во многих общественных организациях. Как правило, это были организации, занятые вопросами помощи больным и несчастным, тем, кто размышляет с удачей. Помощь слабым стала для Джима естественным источником собственной внутренней силы. В применении к Джиму это могло быть сравнено с сухоплутым парусом, который увлекло его по жизни, подобно тому, как настоящий парус помогает плыть по водным просторам.
Джим не бился головой об стену. Он не искал ответов на вопросы, которых не следует задавать. Никто не знает, почему один слеп, а другой зряч. И почему слеп именно ты, а не другой. Почему одним достается ease, а другим крохи. Масса вопросов. Ответить на них не способен ни один умник. Ты просто рожден — и ты живешь. Живешь так, как тебе влится судьба. Но потом ты ее изменяешь.

Он не боялся плыть над своей природой. Плыть необязательно знать, почему она летит, и то время как лев бегает, а рыба плывет. Каждый рождается тем, кем он потом живет, думал Джим. И никому не нужно рождаться заново: птица долетит, лев добегает, а рыба доплывает.

По человеку хочет знать, что он может. Человеку нужно знать предел своих возможностей.

С этим Джим и вышел в океан.
Фортвейн резал упругую волну.
Первая неприятность: сходит с ума автопилот и яхта идет по кругу. Это продолжается недолго: Джим обнаруживает аномалию и отключает элтрику. Но последняя серьезная электронная неприятность не случилась. Теперь, когда он вышло из строя, остается лишь механическое. То есть ручное. Джим нервничает, но смиряется: делать ничего, ручное так ручное.

И управляет яхтой вручную. Это требует, понятное дело, больших физических усилий. Кроме того, возможны отклонения от курса. При огромных расстояниях даже один градус уводит от цели.
Джим крепко устает, но присутствия духа не теряет. Подставив ветру загорелое лицо, он бесостановочно движется к своему внутреннему горизонту. Как и настоящий, горизонт Джима постоянно удаляется. Как и настоящий, он виден, но не существует.

РЕНЕ и их совместное будущее — вот то, о чем он постоянно размышляет Джим. В том, что они должны быть вместе, его убедил сама Рене — яркая, здоровая девушка. Сам он об этом даже не заикался.

«Они плыли по Потомаку: Джим и его друг. Плыли на лодке Джима. Над рекой проходили два моста — соединяли кольцевую дорогу Вашингтона с центром города. Лодка приближалась к одному из пролетов. Друг был рассеян и направил лодку в малый пролет. Треск, авария.
Смущение парня было большим. Кажется, Джиму, чью лодку повредило, переживать меньше. Желая сгладить вину, друг заявил: у меня свидание с моей девушкой. Приглашаю тебя с нами поужинать». Джим принял приглашение. Девушку звали Рене.

Джим часто вспоминал эту историю. Он не увлекался рассказами и размышлениями о любви. Уже после заката. Но здесь, в океане, оставшись один, он думал об этом не раз. Рене, без сомнения, очень красивая девушка. Она внимательна, добра и ласкова. Кроме того, Рене моментально одобрила его идею: пересечь океан.

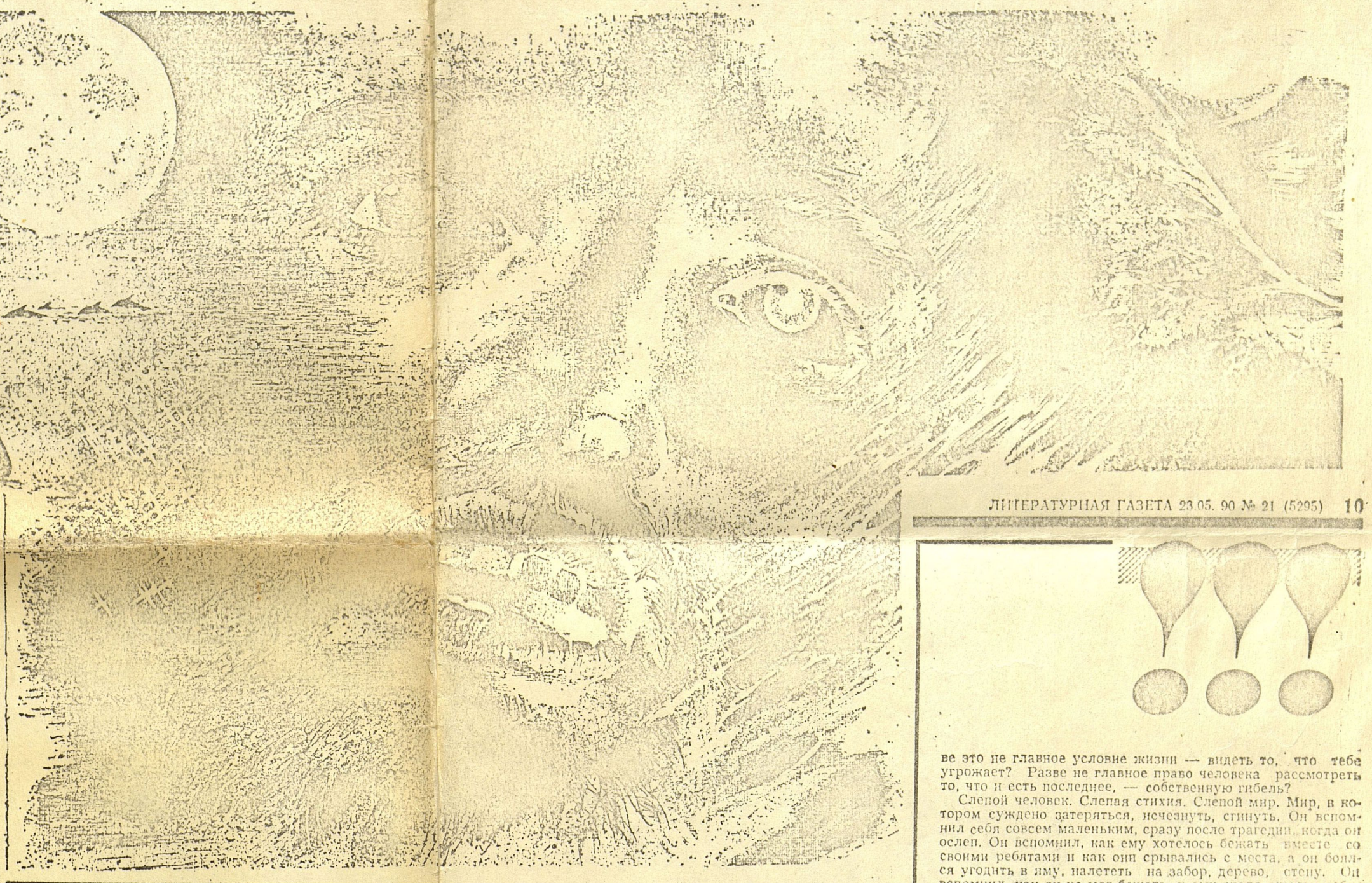
Зрячий видит лишь то, что ему хочется видеть. Зрение искажает суть многих вещей. И суть человека прежде всего. Особенно женщины. Расчет природы, как видно, именно на это. Жизнь полна примерами того, как вполне приличного вида мужчина обречен себя на жизнь с женщиной-уродом. И при этом был вполне счастлив. Во всяком случае, прозрел, страдаясь лишь единично.

«Я люблю Рене», — сказал Джим океану. — Я подаю ей это плавание.
«Он прорвался без всякой причины. Стояла неперенятная тишина. Океан был спокоен, как луг. С минуты Джим начал без движения, затем встал. Была полночь. Он вышел из кубрика, поднялся наверх. Прямо перед собой он увидел плоскую сверкающую воду. Яркие сухие искры выхлывали и гасли».

Первый мореплаватель, покоривший Атлантику в 1876 году на парусном корабле.

Морак, который пересек океан на веслах.

Помещение на корме для управления яхтой и парусами.

ЧТО ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ

СЛЕПОЙ ПРОТИВ ОКЕАНА

Вызов Джима Диксона

Голова закружилась, и он оперся в грот-матру. Видение...

Джим поднял лицо к небу. Парус. Над парусом — луна. Твердая, сверкающая луна. Он видел парус и луну.

Джим опустил глаза и посмотрел вниз: собственные босые ноги, рейки. Он видел их.

Джим риснул и резко обернулся. Ничего не случилось: он по-прежнему видел. Грубые тяжелые канаты, с которыми он возился с утра до вечера, знакомые ему на ощупь каждой своей жилкой, казались теперь несомысли и тесны в лунном свете.

Джим был потрясен. ОН ВИДЕЛ!
Он сел. Поднялся. Снова сел. Дрожь в коленях передавалась всему телу. Сердце стучало, словно он только что бежал. Он увидел всю свою яхту сразу — ее нос, корму, палубу, бушприт. Яхта была намного меньше, чем он предполагал. Ибо мир вокруг был огромным.

К чему бы он ни приближался, он обязательно ощущал все руками. Прикосновение подтверждало увиденное. Вынырнула из воды и по дуге пролетела сталь рыб. Рыбы летали. Конечно, он об этом слышал. Но чтобы на самом деле! Он видел это своими глазами.

Слева по борту показались гряды фосфоресцирующие сплывы — без сомнения, это были дельфины. Развернувшись в нескольких метрах от борта, они устроили веселую возню. Он видел это.

Широкие дорожки лунного света сходились на воде, пересекались и свивались в сверкающие водовороты. Свет был дымным, но запаха не было. Свет лился сверху, вода выплывала его и отражала, и он не кончался. Запасы света были неисчислимы. Мир был высок и светел, как храм, построенный по образцу мира.

Невыносимая красота.
Пять часов — до самого рассвета — Джима был человеком, который видел.
Это было прекрасно, страшно и необычайно. Небывало для самого Джима и для людей, непосвященных в его заболевание. Но не для врачей. Врачи, исследовавшие историю внезапного прозрения, объясняли тем. На зрение Джима, ослепшего от болезни в раннем детстве, тридцать лет назад, действовали несколько факторов одновременно: абсолютная равномерность лунного света (было полнолуние), редчайшее спокойствие океана и особое атмосферное давление, сложившееся в районе ночного дрейфа к этому моменту. И — подчеркнут еще раз — характер болезни, допускающей подобную неожиданность. Но союз факторов распался. Чем заметнее разогрелся свет дня, тем хуже видел Джим. Великий дар — зрение — вновь покинул его. Он всматривался в водный простор — по искры угасали. Он искал глазами дельфинов — но видел серую массу. Он старался разглядеть и запомнить яхту и сплывы, брызговики конусов с плавающим якорем, но перед ним громоздились неясные пятна. Он хотел бы еще хоть на миг удивиться летучим рыбам — как они изящны и красивы, но мгла застилала глаза.

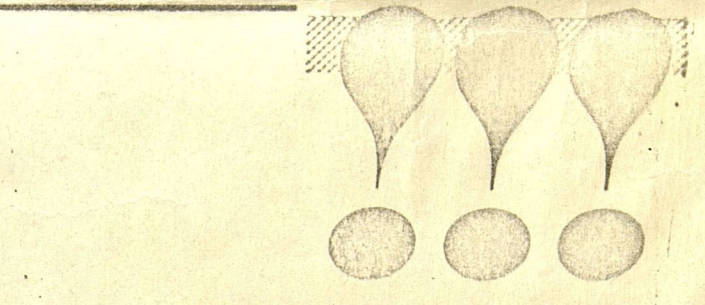
«Господи, — сказал Джим, заплакав. — Господи. День обернулся привычной ночью. Соленый океан не помнит пролитых человеком слезных слез.
Счастливые часы, в течение которых Джим видел, совершенно его опустошили. Но когда прошло отчаяние, Джим сказал:
— Я доплыл до этой ночи. Черт возьми, она у меня была».

Судьба подарил ему встречу с миром в прекрасном месте. Но отправился в это место он сам.
Когда в то утро его вызвала земля — его друг Поль, — он закричал в эфир так, чтобы об этом услышала вся Америка:
— Я видел все! Поль! У меня была потрясающая ночь! Я был, как все. Поль! Я был, как ты и как все! Я все раскаялся».

Джим, — сказал сухо Поль, — времени нет. Ты в опасности. Идет жуткий ураган. Ты на траверсе Бермудов. Решай. Надо спасаться.

ШТОРМ бушевал уже двадцать часов подряд. Мир, каким его знал Джим, рухнул. Каждый раз, когда яхта оказывалась на гребне очередной многометровой волны, а затем под непереносимый грохот и вой начинала срываться в ревущую бездну, глубинами которой он не мог видеть, Джим говорил себе: это конец.

Его воли была парализована. Мышцы болели. Он постыжился за что-то делаясь, смывая толчки и удары, передвигаясь среди обломков. Скоро и вся яхта станет обломком, думал он. Соль разъедала кожу, губы потрескались и кровоточили. Никогда еще Джим не испытывал такой острой, такой отчаянной потребности видеть, как в эти часы. Раз-

ва это не главное условие жизни — видеть то, что тебе угрожает? Разве не главное право человека — рассмотреть то, что и есть последнее, — собственную гибель?

Слепой человек. Слепая стихия. Слепой мир. Мир, в котором суждено затеряться, исчезнуть, ступить. Он вспоминал себя совсем маленьким, сразу после трагедии, когда он ослеп. Он вспоминал, как ему хотелось бегать вместе со своими ребятами и как они срывались с места, а он боялся угодить в яму, налететь на забор, дерево, стену. Он вспоминал, как он не мог бегать, и ему стало жаль себя, как если бы он был уже мертв.

Всем — прощайте, Рене — особое прощанье.
Вотчина дьявола — вот что такое штормовой океан. Настал час, и Джим пожалел о своей затее. «Будь все проклято! — думал он. — Что бы изменилось на земле, если бы я доплыл до Англии? Ничего! Я остался бы просто слепым Джимом Диксоном. И больше ничего!»

Чем яростнее громоносились, неистовствовали и бушевали волны, тем бессмысленней и неопозитивней казались ему его вызов и весь мир. Зачем? Почему? Чтобы бунтовать? Чтобы ругаться? И восстаивать? Чтобы жить? Или умирать? И снова рождаться? Зачем? Любимый входящий в океан — первый, даже если он миллионный. Он непременно проходит путь всего человечества. В этом — драма любого плавания. Конечно, думал Джим, все записаны. На всех судах и лодках, как и на моей, — лучшая техника и лучшая связь. Лучшее! А что проку? Природа все уничтожает в один раз. И человек опять один. Вернее, наедине со стихией, с природой. Как и в часы сотворения.

Человек в океане мал: не с чем даже сравнить. Все шло к финалу. Последние силы покидали Джима. Он желал лишь развлеченья. Матча разбита. Паруса порваны. Румпель и головка руля едва держались.

В КОТОРЫЙ РАЗ Джим побоялся у самых берегов и на дне бедствия. Но на этот раз он выжил, и это была простая мысль: шторм бушует уже тридцать часов, а он еще жив. И яхта не разлетелась на куски. Мы держимся!

Открытие потрясло Джима.
В следующие секунды он уже думал о другом. Он испугался великого раскрепощения человека, забывшего плыть о себе. Их много, подумал Джим, кого проклятый шторм терзает в океане. Всем достается! Все хотят выжить. Все борются. Сместно, но Джим подумал даже о дельфинах. Они уходят на глубину, подумал он, но им не сладко тоже. Рядом с людьми страдают рыбы, мурены, акулы, скаты и, возможно, киты. Все должны постоять за себя сами.

Новая волна обрушилась на яхту. Адская сила потянула яхту вверх. Джим впился заржавленными руками в гик. «Таша! — прокричал он вдруг, что было силы. — Таша! Хоть в небо!»

И вышедшему из строя компьютеру: «Я живой! Почему ты молчишь? И последний, с кем ты еще можешь поговорить, ладно! Господи!»

С той минуты Джим Диксон снова становился человеком, который затеял это дело.
Шторм продолжался еще 15 часов ярду. А всего 45 часов.

ЯХТУ — вернее, то, что от нее осталось, — Джим привел к Бермудским островам. Он пришел ее вручную, с минимальной ошибкой — 25—30 миль ветрового сноса, — и только у самой бухты, вблизи Гамилтона, ему помог причалить яхту лоцман. Джим пережил ТАКОЕ шторм и при этом сохранил жизнь и яхту. Сокрушительная усталость, которая навалилась на него после двухсуточного испытания, не зашла до него: он не спал, он самостоятельно сошел на берег. Его встречали пораженные островитяне и радостный Фрэнсис Стоук, специально прилетевший в Гамилтон. Осмотр яхты показал: продолжит рейс невозможно.

— Джим, — сказал Фрэнсис, обнимая своего друга. — Ты победил. За тебя переживала вся Америка. Но еще когда ты только вышел в океан, я сказал нашим: он уже победил.

РЕНЕ из Нью-Йорка в Москву занимает 8 часов. И летел на «Боинг-747» авиакомпании «Нан Америка». В стерилюзированной звуковой кабине самолета он сидел с матерью. Вышел на расстоянии 10 тысяч метров, сверкая океан. Джимов океан.

Чтобы пересечь его по воздуху, «Боинг» требовалось шесть часов. Джим мог вполне воспользоваться самолетом.
Но он изобрал свой путь.

Я смотрел вниз и думал о Джиме. Я думаю о цивилизации. То, что совершает одиночки, говорит о мужестве и воле одного. Но оценка свершения — показатель нравственности всех.

Я думал о том, что слепой — будь он Джимом Диксоном — лом человек надлежит. Как много он может сделать в самых беспросветных ситуациях и при несправедливости судьбы.

«На мраморной доске отставшего камня стояли две свечи. Между ними — распятие и фотография яхты. В день старта Джима снимок сделала одна из его сестер. Джим сидел напротив камня. Он был спокоен и внимателен. У него была чистая, открытая лоб и черная акрилатная борода. На втором этаже Джимового обложка возмилась его жена — Рене».

Я смотрел на лестницу и слушал Джима. Восемь дней назад в этот дом пришла смерть. Смерть забрала его мать. И почти сразу же в дом пришла новая жизнь. Она пришла с новым жильцом — дочерью Кейси.

«И доплыла до Америки, — завершил наш долгий разговор Джим. — Я готовился и повторному плаванью. На этот раз у меня должно получиться».

— Жизнь очень сложна, — сказал я, прощаясь. — Но я постараюсь быть среди тех, кто тебя встретит в Плимуте.
«Непонимающие будут прощены, а противники, надеюсь, будут снова осмелены временем».

ВАШИНГТОН, февраль
Иллюстрация Ю. МИХАЙЛОВА